

—

В течение одного дня Лу Синцзя не только узнал, что прошел предварительный отбор, но и обнял Цинь Мудуна, и по дороге домой чувствовал себя так, словно парил в воздухе, словно ступал по ветру.

Вернувшись домой, Лу Синцзя показал Хэ Си свою ведомость с результатами, и она оцепенела на две секунды, а затем начала звонить своим друзьям и родственникам.

Первым, конечно, был дядя Сян: «Ичжи, у меня для тебя хорошие новости, Цзяцзя прошел тест! ... Да, тот самый тест по физике, о котором я тебе рассказывала! ... Да, наш Цзяцзя такой молодец... Хорошо, хорошо, давайте как-нибудь поужинаем вместе!»

Затем она позвонила разным друзьям и коллегам.

«Алло, это Лао Ли?»

«Алло, это Сяо Чжан?»

...

Лу Синцзя поперхнулся, почему-то вспомнив, как, когда Цинь Мудун в прошлой жизни каждый раз выигрывал награду или публиковал статью, он поступал точно так же.

Тогда он тоже обзвонил всех своих друзей, нетерпеливо рассказывая им, насколько великолепен его Мудун Гэгэ.

В каком-то смысле, они действительно как две капли воды.

После звонков всем друзьям и родственникам Хэ Си, держа телефон, с улыбкой посмотрела на Лу Синцзя: «Цзяцзя, я тут подумала, а что, если повесить у нас на двери баннер? Это будет так величественно, так здорово, весь район увидит».

Лу Синцзя: «...»

Он забрал свои предыдущие мысли обратно, очевидно, Хэ Си была искуснее.

«Нет, нет, нет! Ни в коем случае!» Он поспешно махнул руками: «Это слишком неловко».

«Что тут неловкого?» Хэ Си искоса взглянула на него, на ее лице играла гордая улыбка: «Пусть эти люди увидят, насколько мой сын хорош!»

От одной этой фразы у Лу Синцзя защипало в носу.

С самого детства он подвергался стольким издевательствам, и только благодаря таким нежным людям, как Хэ Си, он вырос здоровым и счастливым.

«Ну как? Ты тронут?» Хэ Си широко раскрыла глаза, серьезно глядя на него.

«...Нет!»

При всей трогательности, вешать баннер было абсолютно не обсуждаемо, и слезы Лу Синцзя мгновенно отступили, когда он праведно отказался.

«Ты, малыш, становишься все менее милым».

Хэ Си ворчала, но улыбка в ее глазах все равно не исчезала, она снова и снова перечитывала ведомость Лу Синцзя.

За этот год она своими глазами видела изменения в Лу Синцзя.

Раньше Лу Синцзя тоже был очень послушным и рассудительным, но в один прекрасный день он словно внезапно повзрослел, его глаза по-прежнему были чистыми, как родник, но в них появилось много глубоко скрытых сложных эмоций.

Она даже в шутку спрашивала Лу Синцзя, не случилось ли что-нибудь, на что Лу Синцзя, почесывая голову, улыбался и отводил глаза: «Может быть, мне приснился кошмар, что вас всех больше нет, и я остался один. Во сне шел сильный дождь, и небо стало черным...»

Голос Лу Синцзя становился все тише, а затем он внезапно поднял голову, озарив сияющей улыбкой: «Поэтому я решил, что реальность должна отличаться от сна».

Его янтарные глаза незаметно затуманились, блестящие, но вызывающие необъяснимую тоску.

Хэ Си отвела взгляд от ведомости, улыбнулась и тихо вздохнула: «Наш Цзяцзя стал успешным».

Лу Синцзя никогда не любил похвалы, на его лице, похожем на белое тесто, расплылся румянец, он отвернулся, ничего не говоря, но уголки его губ невольно растянулись в улыбке.

После того, как радость прошла, нужно было сделать еще более важные дела.

Олимпиада по физике отличалась от трех других предметов тем, что между предварительным и основным этапами было всего полмесяца. По традиции, в течение следующих двух недель школа совместно с другими старшими школами города проводит двухнедельный закрытый интенсивный тренировочный лагерь для финальной подготовки к основному этапу.

После небольшой беседы Хэ Си помогла Лу Синцзя собрать одежду, которую нужно было взять с собой, а затем отправилась на кухню, чтобы приготовить что-нибудь для Лу Синцзя, чтобы он мог перекусить по дороге на следующий день.

Ингредиентов дома оставалось немного, Хэ Си немного подумала и решила приготовить кокосовые кубики с молоком.

Кокосовое молоко, молоко, кукурузный крахмал, белый сахар смешались и были вылиты в кастрюлю. На медленном огне, помешивая, смесь начала булькать, и насыщенный аромат мгновенно заполнил небольшую кухню, достигая носа Лу Синцзя.

Лу Синцзя все еще раскладывал книги в комнате, но, почувствовав запах, он принялся и побежал на кухню, прислонившись к дверному проему, с нетерпением наблюдая, как готовит Хэ Си.

Когда содержимое кастрюли было готово, Хэ Си умело выключила огонь, вылила приготовленную смесь в форму и оставила остывать.

«Что такое?» В перерыве между готовкой она с улыбкой взглянула на Лу Синцзя. «На запах пришел? Придется подождать, пока можно будет есть».

«Угу, угу!» Лу Синцзя поспешно кивнул, его голос смягчился: «Мама, ты не могла бы сделать побольше? Я хочу взять с собой побольше».

Хэ Си рассмеялась: «Этого тебе не хватит?»

«Нет, нет», — Лу Синцзя почесал затылок, — «Разве Мудун Гэгэ тоже не будет там?»

Он смущенно улыбнулся: «Мудун Гэгэ еще не пробовал твоих кокосовых кубиков, я тоже хочу дать ему попробовать».

Зная, что у них хорошие отношения, Хэ Си вылила смесь в форму, равномерно распределила ее, встряхнула, чтобы удалить пузырьки воздуха, и небрежно пошутила: «Какие у вас с ним отношения? Ты так к нему хорошо относишься? Он тебе нравится?»

Лицо Лу Синцзя мгновенно покраснело, и он поспешно замахал руками: «К-как такое возможно! Мы же оба парни!»

«Кроме того...» Лу Синцзя украдкой взглянул на спину Хэ Си и робко продолжил: «Даже если бы он мне нравился, ты бы все равно не согласилась».

Рука Хэ Си дрогнула, чуть не опрокинув форму.

В ее сердце мелькнула неуверенность, но она быстро подавила ее.

«Что за ерунду ты говоришь». Через мгновение Хэ Си улыбнулась, подняла форму и поставила ее в холодильник, спокойно меняя тему: «Ты собрал книги? Разве ты не уезжаешь завтра рано утром? Быстрее собирайся».

«Понял!» Лу Синцзя нарочно притворился шутником, но в глубине души вздохнул.

Он заметил мгновенное оцепенение Хэ Си; похоже, впереди еще долгий путь.

На следующее утро Лу Синцзя, нагруженный сумками, вовремя прибыл на место сбора.

По сравнению с ним, у Цинь Мудуна вещей было гораздо меньше, всего лишь один походный рюкзак с запасной одеждой.

В восемь утра, когда все собрались, толпа дружно села в автобус и отправилась к месту назначения.

Лу Синцзя расстегнул молнию рюкзака и вынул из него большую коробку.

Коробка была прозрачной, и можно было увидеть, что она доверху наполнена белым содержимым.

Цю Жуйфэн, сидящий рядом, был зорким и почти мгновенно заметил движение.

«Цзяцзя», — он толкнул Лу Синцзя локтем в плечо, — «Что ты там ешь вкусненькое, поделись!»

Лу Синцзя слегка потряс коробку в руке: «Кубики из кокосового молока, хочешь попробовать?»

«Обязательно!» Цю Жуйфэн взял коробку и открыл ее, и взору предстали ряды белых квадратиков.

Хэ Си ничего не сказала, но на самом деле сделала еще немало.

Белые кубики были полностью покрыты слоем кокосовой стружки, отчего слюнки текли при одном только взгляде.

Цю Жуйфэн взял одноразовую зубочистку, лежащую на краю коробки, наколол один кубик и сунул его в рот, через мгновение еще один, потом еще один.

«М-м-м, вкусно!» — пробормотал он, одной рукой поднимая большой палец вверх, а другой, естественно, подталкивая коробку к Цзи Янжаню. «И ты попробуй!»

Цзи Янжань робко взглянул на Лу Синцзя, увидев его улыбающийся кивок, и только тогда тоже наколол кубик и положил его в рот.

«Вкусно!» Глаза Цзи Янжана загорелись.

Движение быстро привлекло внимание окружающих, и Лу Синцзя щедро помахал рукой: «Я как раз много взял, попробуйте все, это кубики из кокосового молока, которые приготовила моя мама».

Кулинарные способности Хэ Си были высоко оценены всеми, и вскоре маленькая коробочка обошла весь автобус, и даже Чжан Чучу, сидевший впереди, не удержался и съел два кусочка.

Когда коробка вернулась к Лу Синцзя, она уже была пуста.

Цинь Мудун равнодушно взглянул на пустую коробку, слегка нахмурившись.

«Хе-хе, это для тебя!» — хихикнул Лу Синцзя, как маленький лисенок, снова расстегнул молнию рюкзака и бережно достал пластиковую коробку.

Эта коробка была немного меньше предыдущей, но более изящной.

Он хотел отдать ему все самое лучшее.

«Хочешь попробовать?» — он осторожно открыл крышку коробки, глаза его сияли невероятно ярко.

За такое долгое общение Лу Синцзя уже очень хорошо изучил вкусы Цинь Мудуна, зная, что тот, как и он сам, любит молочные продукты, поэтому он был уверен, что ему понравятся кокосовые кубики, приготовленные Хэ Си.

В открытой коробке аккуратно лежали белые квадратiki, полная коробка.

Лу Синцзя первым взял вилку, сразу же наколол два кусочка и сунул их в рот, невнятно пробормотав: «М-м-м, правда очень вкусно!»

Он протянул вилку Цинь Мудуну, предлагая ему тоже попробовать.

Уголки губ подростка все еще были испачканы кокосовой стружкой кремового цвета, словно маленькое животное что-то тайком съело.

Глаза Цинь Мудуна потемнели, он взял вилку, наколол кусочек и положил его в рот.

При первом же прикосновении ощущался насыщенный кокосовый вкус, нежный, тающий во рту, а молочный аромат разливался во рту, невольно вызывая ассоциации с чем-то мягким.

Например, мягкие, нежные губы подростка.

Кадык Цинь Мудуна дернулся, он высунул язык, слизывая оставшиеся крошки кокосовой стружки с вилки.

Вилка из нержавеющей стали блестела металлическим блеском, двигаясь между губами и языком. Лу Синцзя, глядя на это, внезапно покраснел.

Он только что... кажется, тоже лизнул вилку?

Получается ли это... косвенный поцелуй?

Лу Синцзя вдруг почувствовал себя немного неловко.

По фактическому возрасту он уже давно был взрослым, но ему нравился Цинь Мудун, и он всю жизнь был девственником, без какого-либо опыта в отношениях, и никогда не переживал ничего подобного.

Он избегал взгляда Цинь Мудуна, выхватил вилку из его руки и затолкал в рот еще несколько кокосовых кубиков.

Сладкий молочный аромат разливался во рту, зубы наткнулись на прохладную вилку, и лицо Лу Синцзя становилось все краснее, быстро покрываясь ярким румянцем.

«На, ешь», — он просто сунул коробку Цинь Мудуну в руки, неуклюже отвернулся, — «Я устал, буду спать!»

Сказав это, он действительно накрыл голову курткой и, склонив голову, притворился спящим.

Цинь Мудун молча взял вилку из коробки и продолжал есть кокосовые кубики, один за другим.

Тот же молочный аромат сохранялся на его губах и языке, холодные брови подростка изогнулись, а уголки губ слегка приподнялись.

Автобус покачивался, и перед глазами была темнота; незаметно для себя Лу Синцзя действительно уснул.

Спящий человек ничего не осознавал, одежда, покрывавшая его голову, была стянута и небрежно обернута вокруг тела, Лу Синцзя полулежал на спинке кресла, погруженный в глубокий сон.

Цинь Мудун доел полкоробки кокосовых кубиков, закрыл оставшуюся половину и убрал в рюкзак, а затем, подняв глаза, увидел беззащитное спящее лицо Лу Синцзя.

Подросток спал очень спокойно, веки были расслабленно закрыты, а уголки губ слегка приподняты, словно он видел прекрасный сон.

С каждым вдохом и выдохом его румяные губы слегка приоткрывались, так что невозможно было не...

Дыхание Цинь Мудуна внезапно участилось, выдыхаемый им воздух смешался с дыханием Лу Синцзя.

Цинь Мудун опустил голову, его губы находились всего в двух сантиметрах от Лу Синцзя.

Дыхание подростка падало на его лицо, словно кончик кошачьего хвоста, вызывая покалывание и зуд.

Он хотел его, желал его.

Поцеловать его, разорвать его, спрятать его там, где никого нет.

Как только эта мысль возникла, он уже не мог её остановить.

Глаза его потемнели, а сердце бешено колотилось, Цинь Мудун оперся локтем на спинку сиденья и медленно наклонился, почти касаясь Лу Синцзя.

«М-м-м...»

Возможно, что-то почувствовав, спящий Лу Синцзя промычал и неосознанно поджал губы.

Цинь Мудун внезапно пришел в себя, его длинные пальцы сжались, костяшки побелели.

Через мгновение он отстранился и положил голову Лу Синцзя себе на плечо.

«Спи, Синсин», — тихо сказал он, словно давая обещание, — «Я не... причиню тебе вреда».

Это было ласковое прозвище, которое он придумал для Лу Синцзя.

Другие называли его Цзяцзя, но он хотел называть его Синсин (Звездочка).

Прозвище, которое может произнести только он.

—

<http://bllate.org/book/14490/1282453>